

Вероятно «да», говорить можно. Но эта тенденция проявилась не в последние годы, а пожалуй уже в начале-середине 1990-х. Её составляющие, на наш взгляд – организации кафедр социологии и социологических отделений в провинциальных университетах, перевод хорошо написанных учебников, вводных текстов (вроде П. Бергера «Приглашение в социологию», «Лодка на аллеях парка» П. Монсона), монографий и сборников интересных не только профессиональному социологу («Начала» и «Социология политики»), подготовка хороших (хорошо написанных) отечественных учебников, монографий и статей (не приводим примеры). Читали их, в основном, представители академической среды и сейчас такое положение сохраняется, но учитывая популярность высшего образования и то обстоятельство, что через социологические курсы с хорошей и актуальной социологией знакомятся многие, оно (положение) неплохое. Практики письма данная тенденция затрагивает напрямую. Ещё лет пять назад один из моих студентов (заочник, специальность «государственное и муниципальное управление») пришёл сдавать долги и принёс с собой Гидденса, говоря, в полном восхищении: «я её читал как художественную литературу». Такие образцы и их тираж обязывают. Практики исследований... Здесь тенденция не столь устойчивая. Есть публично-ориентированные социологические локусы, как столичные, так и региональные. Есть эзотеричные, есть сервильные. В целом, для развития публичной – ориентированной на широкую публику, интересной и понятной для неё социологии нужны и благоприятные внешние условия...

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

На уровне мировой социологии она останется достаточно актуальной, о ней будут по-прежнему активно писать и активно ею заниматься. «Ею», то есть, такими, например темами, как неравенство, включая глобальное, власть, безопасность, риски...

Роль может быть скорее интерпретативной (в рамках Баумановской дихотомии законодательного и интерпретативного), а место двояким: по-прежнему возле центров власти, но через non-fiction социология (имеется ввиду прежде всего исследовательская социология) начнёт проникать и к локальной аудитории, таким как местные общины, коллективы предприятий. Не обязательно это будут сугубо социологические проекты, это могут быть корпоративные издания, в подготовке и организации которых участвует социолог.

С методологической точки зрения социолог должен быть готов к тому, что его экспертная позиция будет восприниматься аудиторией не как априорно привилегированная и ему нужно будет доказывать право на внимание, в том числе и через внятные темы и манеру подачи. Непростой, но неизбежной задачей останется повышение социологической культуры широкой публики. Подтягивать её к уровню профессиональной социологии и тематически и терминологически сложнее, чем следовать противоположной стратегии, но более правильно.

Ольга Шевченко

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Начну свой ответ с краткой автобиографии, без которой, как замечал, среди прочих, Пьер Бурдьё, невозможно понять позицию говорящего, и, таким образом, интерпретировать высказанные положения. В 1996 году я окончила социологический факультет МГУ, и на следующий же год уехала продолжать образование сначала в Варшаву, на социологический факультет Центрального Европейского Университета, а потом – в США, Пенсильванский Университет. Окончив его, я сейчас преподаю социологию в Вильямс Колледже. Другими словами, мой взгляд неизбежно оказывается немного со стороны. Однако мои академические интересы связаны с Россией (я занимаюсь повседневно, семейной фотографией и поколенческой памятью о советском времени); мне интересны и ценны работы моих коллег, и я достаточно пристально слежу за русскоязычными публикациями. Кроме того, моя профессиональная траектория во многом складывалась как реакция на структуру возможностей, которые мне виделись в российской социологии. Из-за всех этих факторов я надеюсь, что какие-то из нижеизложенных соображений могут оказаться интересны для участников этого круглого стола.

Тот ракурс, под которым я видела социологию по окончании МГУ во многом был связан с особенностями истории и организационной культуры социологического факультета, находившегося тогда, так же как и сейчас, под руководством Владимира Добренкова. Большая часть преподавателей уже тогда либо не занималась оригинальными исследованиями, либо не считало нужным «иницировать» в этот процесс студентов (я говорю об общей тенденции, осознавая несправедливость такого освещения ситуации по отношению к тем преподавателям, которые шли против течения и прилагали максимум усилий, чтобы культивировать в своих учениках дух социологического воображения. Насколько я знаю, большинство из них на настоящий момент покинули факультет). Студентов тренировали на некритическое воспроизведение чужих текстов (компиляцию прочитанного под видом «реферата», пересказ содержания учебников – практики, социализировавшись в которые, действительно невозможно понять, что предосудительного может быть в плагиате). Социология отождествлялась с широким набором областей, в отношении которых вообще-то более уместной была бы рефлексия и проблематизация: маркетинг, реклама, управленческое и политическое консультирование. Думаю, что мой опыт был весьма специфическим. Обучайся я в ВШЭ или в ГУТНе несколькими годами позже, я бы, безусловно, имела более оптимистические представления о состоянии современной социологии, и дело тут не только в определяющей силе первого впечатления (хотя сбрасывать это соображение с весов нельзя). Просто некоторые вещи лучше

видны с окраин дисциплины, а несмотря на "престиж марки," соцфак МГУ представлял и представляет собой глухую провинцию социологической практики.

Так вот, с этой окраины мне видится, что "публичное лицо" современной российской социологии представляют в большей степени ведущие специалисты различных мониторинговых служб (в первую очередь Левада-центра, но также ФОМ и некоторые другие). Они, как правило, быстрее реагируют на актуальные события, более доступны для комментариев, чаще показываются на страницах газет и журналов. Имеет смысл ставить вопрос о причинах (как культурных, так и исторических, и организационных) подобного положения дел, а также о возможных путях его преодоления (если, конечно, в обществе есть ощущение необходимости подобного "публичного разворота"). И, наконец, вопрос о "публичном лице" социологии должен быть сопряжен с важнейшим, на мой взгляд, вопросом о цеховых стандартах дисциплины, о механизмах саморегуляции социологического сообщества. Если этот вопрос не будет решен, публичным лицом социологии вполне может стать христианская социология господина Кравченко.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

Мне кажется, что для российской социологии более актуально разбиение социологии на доморощенную и интегрированную в интернациональные потоки идей и информации, на ту, что, грубо говоря, занимается разговором тихо сам с собой, и на ту, что участвует в диалогах с коллегами по ремеслу.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Публичная социология реагирует на события, имеющие общественный резонанс, помогает артикулировать повестку дня, обращается не узко к академической аудитории, а к широкой общественности. Насколько я помню содержание обсуждения речи Буравого на ежегодном конгрессе американских социологов (ASA annual convention), оптимальной платформой для публичной социологии участники обсуждения считали средства массовой информации. Перенося тему на российскую почву, мне кажется, стоит задаться вопросом о предпосылках и возможностях публичной социологии в условиях отсутствия публичной сферы в том смысле, который вкладывал в это понятие Хабермас. На мой взгляд, в этом контексте более перспективна (или, по крайней мере, реалистична) публичная социология, площадкой для которой

служит университетская кафедра, а не СМИ. Конечно, уровень охвата тогда получается другой, но в российской истории уже были периоды, когда основными форумами для обсуждения общественных проблем становились университетские кружки.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Я бы не стала проводить дискриминацию на основе методологии. Что же касается проблем, то это, безусловно, миграция, проблемы национального самосознания, образования, вопросы институциональной трансформации российской экономики; список можно продолжать бесконечно.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Являясь частью общества, социологи не могут не влиять на нее. Вопрос о границах подобного влияния каждый социолог обязан решать для себя лично.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Пока я не вижу оснований для подобного заключения. Быть может, мои коллеги, более пристально наблюдающие и участвующие в жизни отечественного социологического сообщества, смогут дать более оптимистический ответ.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Думаю, что публичная социология может быть востребована, помимо всего прочего, еще и потому, что в условиях профессиональной специализации (пост-) современного общества все большую роль в нем играют эксперты. Другое дело, что, скажем, в случае американской социологии, публичное поле, в которое делает свой вклад социология, принципиально полифонично. В российских условиях существует серьезная опасность того, что единственными социологами, по-настоящему востребованными на ниве публичной деятельности, будут те, чьи взгляды находятся в соответствии с «генеральной линией партии».